

РЕЦЕНЗИИ

P. C. Paardekooper. Syntaxis, spraakkunst en taalkunde. — Den Bosch, 1955. 311 стр.

Книга П. К. Паардекопера «Синтаксис, грамматика и языкознание» даст возможность выявить установки малоизвестной у нас голландской школы «структурной лингвистики» и вскрыть ее точки соприкосновения и ее расхождения с другими известными направлениями структурализма (в частности, с американской школой Блумфильда и сторонниками «глоссематики» Л. Ельмслева). Уже само название книги Паардекопера свидетельствует о широком охвате общелингвистических проблем, а также вопросов построения системы грамматики (в частности, относительно мало разработавшего в структуральном плане синтаксиса).

И хотя Паардекопер, как будет показано ниже, занимает по ряду принципиальных и частных вопросов теории языка довольно противоречивую и эклектическую позицию, в его лингвистической концепции прежде всего нашло отражение послужившее общей теоретической базой для всех школ современного структурализма учение Ф. де Соссюра. Об этом свидетельствуют как само построение книги Паардекопера, так и ее основные положения (принятие соссюровской терминологии в трактовке языкового знака, т. е. выделение «означаемого» и «означающего», понимание языка и письма как двух различных систем знаков, понятие «престижа письма», стирание граней между морфологией и синтаксисом, синтаксисом и лексикологией, четкое разграничение синхронии и диахронии и т. п.).

Книга Паардекопера состоит из «Введения» (стр. 1—51), трех основных разделов — «Собственно грамматика» (стр. 52—193), «Языки в их взаимосвязи» (стр. 194—250), «Наше отношение к языкам» (стр. 251—293) — и краткого резюме, подводящего итоги исследованию. Каждый раздел распадается в свою очередь на ряд глав, посвященных отдельным более частным вопросам.

Стержневым является первый, грамматический раздел книги, представляющий собой синхроническое описание основных структурных особенностей предложения современного голландского языка. Такое внимание Паардекопера к предложению вполне объяснимо, если учесть один из его основных тезисов: «Язык — это грамматика, грамматика — это в первую очередь синтаксис, синтаксис же является прежде всего учением о предложении, типологией предложений» (стр. V) ¹. В данном разделе отнюдь не дается систематического изложения всех синтаксических проблем, а выделяются лишь те из них, которые наиболее существенны для структурного анализа.

Общелингвистическим вопросам посвящены «Введение» и частично два последних раздела книги Паардекопера (при этом приводится иллюстративный материал из голландского языка). Занимая в объемном отношении подчиненное место, они служат главным образом целям обоснования общих положений и принципиальных установок автора.

Определяя в I главе «Введения» (стр. 1—10) язык как «систему наделенных значением звуковых комплексов, которая используется для духовного контакта людей между собой» (стр. 2), Паардекопер отграничивает его от других звуковых сигналов и от «языка жестов», подчеркивая тем самым его социальный и звуковой характер, а также необходимость изучения языка как объекта особой науки. Здесь же автор устанавливает место языкознания среди других смежных наук (литературоведения, истории, психологии, этнографии и др.).

Во II главе «Введения» (стр. 11—27) рассматривается понятие «языковой структуры» и обосновывается системный характер языка. Структурный анализ всякого «языкового высказывания» ² автор начинает с рассмотрения предложения; в качестве промежуточного звена между предложением и членом предложения вводится понятие «группы членов предложения». Основными элементами структуры как предложения,

¹ В вопросе о соотношении синтаксиса и морфологии Паардекопер следует Ф. де Соссюру (см. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, перевод с франц. М., 1933, стр. 130).

² Под «языковым высказыванием» понимается минимальная единица устной речи (отсюда не письменной формы языка) (стр. 296).

так и члена предложения являются категории парадигмы, или «грамматической группы», и синтагмы. Отношения, выражаемые этими категориями, тракуются автором в плане сосюжровских ассоциативных и синтагматических отношений. Понятия парадигмы и синтагмы распространяются как на предложения и словосочетания, так и на члены предложения. Паардекопер делает попытку определить понятие члена предложения, отождествляя его с понятием парадигмы, входящей в состав предложения¹.

Структурный анализ предложения завершается выделением слова, или языкового знака. Определения слова автор также не дает, ограничиваясь лишь указанием на то, что эта единица языка носит совершенно иной характер, чем фонема. Как и Блумфилд, Паардекопер под фонемой понимает «минимальную единицу, которую говорящий может различить как элемент противопоставления, как звук речи» (стр. 22). Следуя Вальдериусу и полемизируя с де Гротом, Паардекопер, вопреки своим структуралистическим установкам, принимает для понятия корневой морфемы термин «семантема». Обычные определения морфемы автор в VI главе критикует как имеющие ряд противоречий. Понимая под морфемой лишь некорневую часть слова, выражающую значение отношения, он по сути дела отказывается в своей работе от этой категории как от основного лингвистического понятия. Растворяя морфологию в синтаксисе, он оперирует главным образом синтаксическими категориями. Этим Паардекопер отличается от представителей дескриптивной лингвистики, придающих большое значение понятию морфемы в построении грамматики.

Пытаясь обосновать возможность обойтись без понятия морфемы, он утверждает, что «опозиции морфем» не связаны или мало связаны с грамматической значимостью. Они не имеют самостоятельного существования и являются лишь частью «опозиции парадигм».

Переходя к методам описания языка (II глава «Введения»), Паардекопер допускает возможность двойного подхода к нему: исходным моментом может служить «означающее», с которым связывается определенное «означаемое» (т. е. значение), или «означаемое», на основе которого в этом случае будет рассматриваться соответствующее «означающее». Выступая за анализ системы языка с точки зрения его формальной стороны («означающего»), автор приводит в пользу такого подхода ряд аргументов. Важнейшим из них, по его мнению, является обнаруживаемый в этом случае параллелизм между сферами «означающего» и «означаемого», т. е. наличие формального противопоставления («опозиции») двух парадигм (например, форм существительного в единственном и множественном числе), сопровождаемое противопоставлением двух соответствующих значений (ср. аналогичную двуплановость в концепциях Ельмслева, Куриловича и других структуралистов). Отмечая двусторонность языкового знака и подчеркивая большую значимость формальной стороны при анализе системы языка, Паардекопер, однако, обнаруживает тенденцию к рассмотрению этих двух сфер в отрыве друг от друга как двух параллельных рядов, как сходных по своей структуре сторон языка без учета их структурной специфики и взаимосвязи. Роль лексического значения слова и вообще семантики при этом явно принижается.

В III главе «Введения» (стр. 28—45) классифицируются фонемы как дивизы, из которых складывается структура «означающего». Признавая вслед за Ф. де Сосюрюм и другими структуралистами, что «язык есть в первую очередь форма, а не субстанция» (стр. 29), и считая, что самое важное — это наличие «опозиций» между фонемами, а не способы, которыми эти противопоставления выражаются в звуковой субстанции, Паардекопер все же не отвергает полностью фонетического подхода при изучении фонем (хотя фонетическая классификация базируется исключительно на субстанции), в чем также проявляется эклектичность точки зрения автора. С другой стороны, он подвергает критике фонологическую интерпретацию звуковых комплексов. Будучи сам видным голландским фонетистом и опираясь в основном на положения Ельмслева, Куриловича и Трубецкого по вопросу о фонемной структуре слова, он делает тем не менее ряд критических замечаний о возможностях конкретного применения этих положений к голландскому языку. Там же дается определение понятий экстенсивности и интенсивности (термины копенгагенской школы структурализма) применительно к фонемам (стр. 44); применительно к грамматическим категориям эти понятия раскрываются в VI главе работы.

В IV главе «Введения» (стр. 46—51) Паардекопер дает свою трактовку понятий формы и субстанции. Примикая в оценке роли формы к точке зрения Ельмслева, Паардекопер, однако, неоднократно подчеркивает свое несогласие с полным игнорированием роли субстанции, характерным для копенгагенской школы. Языковой субстанцией, по мнению Паардеопера, является по-преимуществу звук (стр. 45). При этом признается, что звуковая субстанция — не нечто случайное, а существенная сторона языка.

¹ При этом парадигма определяется следующим образом: «Парадигма — это всё то, что характеризуется определенными правилами местоположения» (стр. 15). Критику определений парадигмы и синтагмы у Паардеопера см. в рецензии Дж. Марченды на эту книгу («Language», vol. 32, № 3, Baltimore 2, Md., 1956, стр. 480—481).

Это признание специфики языка наряду с вышеупомянутым выделением языкознания в особую науку является несомненно положительным моментом в концепции Паардекопера и выгодно отличает его от представителей копенгагенской школы.

У глава книги (стр. 52—58) вводит нас в первый основной раздел, посвященный вопросам «собственно грамматики». В этой главе излагается важнейшая, по мнению автора, грамматическая проблема сочетаемости (связи) элементов внутри предложения. Структура предложения анализируется Паардекопером по той же схеме, какую он применяет к фонемному анализу структуры слова. Таким образом, критикуя копенгагенскую школу и Куриловича за их теорию «изоморфизма», за признание ими полного параллелизма между структурой слова и структурой предложения (т. е. фактически за непонимание ими специфики слова как основной единицы языка) Паардекопер останавливается на полпути, усматривая все же между этими структурами наличие некоторого параллелизма и обосновывая тем самым необходимость применения одного и того же метода структурного анализа и к слову, и к предложению.

Здесь мы впервые встречаемся с «рабочим» определением предложения: предложение — это «минимальное языковое высказывание, после которого мы можем прервать нашего собеседника, не показавшись невежливым» (стр. 56). В данной дефиниции, которая, конечно, никоим образом не может претендовать на научную обоснованность и убедительность, проявляется стремление автора отойти от традиционных определенных предложения, исходящих из значения (содержания) и из формы, и выделить чисто внешний момент при фиксации границ языкового высказывания.

Отмечая, что предложение состоит не из слов, а из членов предложения¹, и считая поэтому, что критерием для типологии предложений могут быть только члены предложения, Паардекопер в то же время при определении различных типов предложения исходит из личной формы глагола и различает три основных типа предложений, которые он в последующих главах подробно анализирует на материале голландского языка: а) предложения, в которых личная форма глагола отсутствует; б) предложения с одной личной формой глагола; с) предложения с двумя или несколькими личными формами глагола. Второй тип является наиболее распространенным в языке.

В VII, VIII и IX главах книги дается подробный структуральный анализ типологии предложений в голландском языке. В VII главе рассматривается структура наиболее распространенной модели предложения (тип «b», т. е. предложения с одной личной формой глагола). Членение предложения на начальную, среднюю и конечную группы (основанное на критерии «непроницаемости» двух крайних групп), а также различные модели предложения последовательно раскрываются здесь на большом количестве конкретных примеров.

Структурный анализ предложения производится автором в следующей последовательности: сначала выявляются различные варианты моделей предложения и порядок слов внутри модели на основе анализа начальной группы (ее первого и второго звена) с учетом различных частных случаев и отклонений от нормы (стр. 88—100); затем характеризуются различные виды «приступа» (слово или словосочетание, могущее стоять перед начальной группой членов предложения) и его отличительные признаки (стр. 100—104); далее автор переходит к аналогичному детальному анализу конечной группы (стр. 104—111) и различных видов «отступа» (слово или словосочетание, способное присоединиться к конечной группе членов предложения) (стр. 112—115), дает характеристику средней группы (стр. 115—119) и завершает свое описание сравнительным анализом всех вариантов моделей предложения и выводами. Паардекопер приходит к заключению, что предложение распадается максимально на пять групп. Начальная и конечная группы являются наиболее «непроницаемыми» и устойчивыми в смысле порядка слов внутри них. Обе они четко обрисовывают рамки (границы) предложения, но решающая роль при определении границ предложения принадлежит все же начальной группе. В качестве критериев классификация моделей предложения выделяется три момента: 1) их структура; 2) экстенсия и 3) частотность. Этим, однако, не ограничивается структурный анализ данного типа предложения. Исчерпав рассмотрение всех моделей предложений этого типа в сфере «означающего», автор переходит к анализу сферы «означаемого», выявляя «опозиции в значении» между отдельными моделями. При этом он придает слишком большое значение чисто стилистическим моментам (в частности, эмоциональному фактору). Неясность многих критериев в сфере «означаемого» он объясняет неразработанностью данного раздела грамматики.

При классификации членов предложения Паардекопер, исходя из их свойств, намечает ряд критериев. Из них важным он считает степень позиционной закрепленности членов предложения (*plaatsvastheid*), причем исходит из двух видов позицион-

¹ При этом членом предложения, по Паардекоперу, может быть и одно слово, и ряд слов. Под термином «член предложения» понимается, следовательно, как простой, так и распространенный член предложения (т. е. сочетание простого члена с одним или несколькими зависимыми от него членами). Частью члена предложения может быть только слово.

ной закреплённости: абсолютной (в отношении всей модели предложения) и относительной (свойственной определённым членам предложения средней группы по отношению к другим ее членам). Второй критерий классификации членов предложения по степени «родства морфем» (т. е. чисто морфологический) справедливо расценивается автором как непригодный для синтаксических сдвигов, так как этим свойством обладают не члены предложения, а слова, выступающие в функции таковых (речь идет о выражении рода, числа и падежа и о делегии слов на склоняемые и несклоняемые). Третий возможный критерий классификации по зависимости одного члена предложения от другого расценивается автором как неубедительный, якобы в связи с трудностью определения самого понятия синтаксической зависимости. Вместо термина «зависимый» Паардекопер предлагает ввести нейтральный термин «сочетаемый с» (*verbindbaar met*), который, по сути дела, вывелирует специфику той или иной синтаксической связи, уводя исследователя от необходимости углубленного анализа структуры членов предложения.

В VIII главе (стр. 133—142) дается описание более редких моделей предложений типа «а» (без личной формы глагола), традиционно трактуемых как неполные, или эллиптические, предложения. Анализируя их различные типы по вышеприведенной схеме, автор приходит к выводу, что они не являются эллиптическими и что глагол в них не «опущен», о чем свидетельствует ряд ограничений как синтагматического, так и парадигматического порядка.

IX глава (стр. 143—154) посвящена третьему типу предложения (тип «с»), характеризующемуся наличием двух личных форм глагола (предложения с большим количеством личных форм глагола Паардекопером не рассматриваются). Это — сложные предложения, традиционно разделяемые на сочиненные и подчиненные. Паардекопер считает существующую традиционную классификацию сложных предложений несостоятельной по той же причине, по которой он отвергает понятие синтаксической зависимости. Автор разграничивает три группы сложных предложений, из которых первая является основной. Предложения первой группы (сложноподчиненные) распадаются по своей структуре на три подгруппы¹. При членении этих предложений на два «полупредложения» одно из них признается придаточным. Главным предложением, вопреки грамматической традиции, называется все предложение в целом, а не второе «полупредложение». Придаточное предложение, как и соответствующий ему член предложения, рассматривается как позиционная категория, поскольку оно может стоять в начале, в середине и в конце предложения. В соответствии с обычной для автора схемой анализа и здесь устанавливается экстенсивность или интенсивность тех или других типов предложения.

В X главе (стр. 155—164), подвергая критике традиционную классификацию интонаций, которая, по его мнению, строится под влиянием графических норм, и анализируя по ряду вопросов о роли интонации с такими учеными, как Пайк, Германи, де Грот, Блумфилд и др., Паардекопер приходит к неравномерному выводу о том, что интонация не может быть использована в качестве критерия типологии предложения и даже не может служить для разграничения предложений в голландском языке²: границы между ними можно установить только по содержанию высказывания, значению слов или по ситуации. Неравномерно отрицая грамматическую роль интонации и ее связь со структурой предложения, Паардекопер правильно расценивает экспрессивную функцию интонации, относя ее за пределы грамматики, так как эмоциональное значение интонации выпадает из сферы «означаемого».

Небольшая XI глава (стр. 165—173) посвящена частному вопросу о возможностях формального ограничения типов вопросительных предложений. В XII главе (стр. 174—182) автор переходит к анализу модели распространенного члена предложения, исходя из его минимальной единицы — части члена предложения, и отмечает прежде всего большее разнообразие типов и моделей членов предложения по сравнению с типами самих предложений.

Весьма показательно, что Паардекопер не считает возможным выделить лексикологию в самостоятельный раздел науки о языке и отводит ей лишь небольшую XIII главу в разделе грамматики. Это опять-таки перекликается с «высшим принципом» построения грамматики у де Соссюра, для которого, как известно, было характерно признание взаимопроникновения и слияния морфологии, синтаксиса и лексикологии, а также сблизает Паардекопера с представителями дескриптивной лингвистики, которые игнорируют значение семантики в науке о языке³.

¹ Внутри этих подгрупп осуществляется уже деление на типы придаточных предложений.

² Этот вывод автора подвергся справедливой критике Джемса Марченда (см. J. W. M a g s h a n d, указ. рец., стр. 482).

³ См. об этом Г. М ю л л е р, Языкознание на новых путях. Дескриптивная лингвистика в США. (Обзор современного состояния), сб. «Общее и индоевропейское языкознание. Обзор литературы», перевод с нем., М., 1956, стр. 80.

Применяя к лексике тот же метод исследования, что к фонетике и грамматике, автор делает основной упор на вопросы, связанные со словарем, поскольку, в соответствии с его взглядами, слова в словаре располагаются прежде всего как «означающие», с анализа которых должно начинаться всякое исследование. Словарь расценивается как список слов, прилагаемый к грамматике. О слове как предмете лексикологии, как единице словарного состава языка, о слове как системе лексических единиц здесь нет и речи. Основные вопросы лексикологии подмешаются конкретными вопросами лексикографии. Не находя в языке четких противопоставлений («опозиций») лексических единиц, Паардекопер приходит к выводу об отсутствии лексических категорий с языковой значимостью и об отсутствии системности в словарном составе языка. Обращаясь к сфере «означаемого», он видит в этой области лексики лишь хаотическое, бессистемное множество отдельных, изолированных друг от друга лексических значений. Таким образом, лексикология у Паардекопера выпадает из системы языка.

Весьма характерным для позиции Паардекопера как структуралиста является его отношение к вопросу о развитии языка вообще и об изменении значений слова в частности. Всякое развитие в сфере семантики им отрицается. «Все, что остается в сфере „означаемого“, не может быть названо развитием значения» (стр. 191). Антиисторический подход к языку проявился уже в I главе «Введения» — в трактовке автором взаимоотношения между языкознанием и историей.

Особенным нападком со стороны автора понятие языкового развития как внутреннего обусловленного процесса подвергается в разделе «Языки в их взаимосвязи», посвященном вопросам внешней лингвистики. Ставя вопрос о критериях, на которых может основываться типологическая классификация языков, автор считает, что при современном состоянии науки о языке, когда еще нет полноценных, исчерпывающих описаний строя отдельных языков, мы должны учитывать все стороны языка как системы. Паардекопер выступает с критикой традиционной генеалогической классификации языков по общности их происхождения и выдвигает тезис об автономности системы каждого языка. Из этого положения вытекает, что связь системы языка с другими системами носит случайный характер и зависит от внеязыковых причин (интенсивное контактирование языков или их полное смешение). Автономия языковой системы заключается в том, что каждый ее элемент принципиально связан с другим одним или несколькими элементами данной системы.

Проблеме контактирования и смешения языков посвящена большая XVI глава (стр. 225—250). Основная цель этой главы — показать, что различного рода контактирование и смешение языков могут иметь следствием языковые изменения. Более того, Паардекопер склоняется даже к мысли о том, что всякое языковое изменение, засвидетельствованное историей, может быть объяснено фактором языкового смешения (стр. 224). Здесь мы наблюдаем стремление объяснить все изменения в системе языка как случайные, не обусловленные какой-либо внутренней закономерностью процесса. Взгляды автора смыкаются, таким образом, с известными положениями М. Бартоли об обусловленности всех языковых изменений внешними процессами смешения языков. Паардекопер считает, что во всей лингвистической литературе не засвидетельствовано ни одного случая «спонтанного» языкового изменения, т. е. такого изменения, причину которого нельзя было бы усмотреть в контактировании с другим языком или с текстом (т. е. с письменной формой языка. — С. М.) (стр. 230). По его мнению, языковым смешением можно объяснить все факты, которые мы обычно называем «странным» и «субъективным» термином «языковое развитие». Таким образом, языковое развитие сводится к случайным, не обусловленным внутренней необходимостью изменениям, вызванным чисто внешними причинами. Языковое развитие мыслится как смена ряда языковых состояний, вызванных внешним фактором контактирования и смешения языков.

Итак, фактор языкового смешения неправомерно расценивается автором как основная причина всяческих языковых изменений, а тем самым и как основная движущая сила языкового развития. Внутренне, как система, язык, таким образом, не развивается; он — статичен. Все исторически обусловленные изменения носят случайный, а не закономерный характер.

В разделе «Наше отношение к языкам» обосновывается положение автора о возможности двойного подхода к языку: объективного, находящего отражение в языкознании как науке о языке, и субъективного, выражением которого является языковая политика. В этом же разделе излагается сосюррианская точка зрения автора на различие между языком и письменностью (стр. 251—257) и дается характеристика современного литературного голландского языка (стр. 258—270), определяемого как «языковое состояние, отличающееся от многообразия диалектов и особенностей стиля» (стр. 259). В этом определении не подчеркиваются наиболее существенные черты литературного языка, а именно — его единство и нормативный характер.

Несмотря на неприемлемость многих общелингвистических положений автора, невзирая на определенный эклектизм его концепции и непоследовательность в использовании им ряда общих положений структуральной лингвистики, безусловной заслу-

гой Паардекопера является то, что он стремится применить принципы и методы структурного анализа к описанию грамматического строя конкретного языка. Анализ синтаксической структуры голландского языка основан у него на обширном фактическом материале, что избавляет книгу Паардекопера от одного из существенных недостатков, присущих структуралистским работам подобного типа, а именно — отвлеченности и оторванности от конкретной языковой специфики. Положительным моментом является также чрезвычайная полнота исследуемого материала, широкий охват различных моделей предложения в голландском языке, учет их продуктивности и распространенности в языке, попытка дать классификацию типов предложений, отличную от традиционной, и т. п.

Однако, ограничиваясь формальной стороной при классификации различных структурных типов предложения в голландском языке и полностью игнорируя их содержание (значение), Паардекопер не воссоздает в своем исследовании общей картины синтаксического строя голландского языка в его конкретном своеобразии. Весьма неясным и расплывчатым представляется членение предложения на составляющие его элементы (члены предложения и части членов предложения), среди которых не выделяются четко главные и второстепенные единицы. Общим недостатком работы Паардекопера является также недооценка морфологии, стирание границ между ней и синтаксисом, растворение морфологии в синтаксисе. Проводимый автором структурный анализ предложения без учета качественной специфики таких основных языковых единиц, как слово, словосочетание и предложение, приводит к стиранию границ между этими категориями, что проявляется, между прочим, в использовании иногда автором морфологических критериев и соответствующей терминологии при построении системы членов предложения. Специфику той или иной синтаксической связи (в частности, отношение подчиненности, зависимости одного члена предложения от другого) он также не учитывает. Все это свидетельствует о недостаточной четкости и последовательности синтаксической концепции автора. Тем не менее нельзя не признать, что рецензируемая книга представляет несомненный интерес в своей исследовательской части как одна из немногих попыток применения структурального анализа к синтаксису конкретного языка.

С. А. Миронов

Pierre Fouché. Traité de prononciation française. — Paris, Librairie C. Klincksieck, 1956. LXIII, 528 стр.

Книга Пьера Фуше является подробным справочным пособием по произношению современного французского языка. Это пособие рассчитано в первую очередь на иностранцев. Учитывая назначение книги, П. Фуше пользуется международной транскрипцией¹, подробно излагает произношение имен собственных (французских и иностранных слов¹), а также заимствованных иностранных слов (в том числе и русских), характеризует звуки французского языка сравнительно с другими языками.

П. Фуше — профессор Сорбонны, директор Института фонетики Парижского университета, профессор Школы дикторов французского радиовещания и телевидения — является одним из лучших специалистов по современной и исторической фонетике французского языка и лучшим знатоком современного литературного произношения. Таким образом, читатели рецензируемой книги могут вполне положиться на сведения о произношении тех или иных слов, которые приводятся в книге П. Фуше.

Устанавливая правила произношения, П. Фуше иллюстрирует их очень большим количеством примеров — см., например, 14 страниц списков слов с *h aspiré* (стр. 252—265). Всего в книге цитируется около 30 000 слов, из них около 10 000 названий местностей и имен собственных. Высвяс в пособиях аналогичного типа мы встречаем столь большое внимание, уделяемое ономастике.

Книгу в целом характеризует то, что автор учитывает разные темпы и разные стили произношения, что особенно важно в главах, посвященных *liaison* и *e muet*.

Нормой произношения современного французского языка Фуше считает тщательно отработанную речь культурного парижанина — «*conversation soignée chez les Parisiens cultivés*», родившегося в конце XIX или в самом начале XX в. (см. «Предисловие»).

¹ Большое место уделяется и русским именам, особенно географическим названиям. Так, на стр. 283 дается написание Могилева — *Mohilev* с указанием, что интервокальное *h* в иностранных и древних именах собственных не произносится (исключая югославские, где оно звучит как [k] или [x] — *Grahovo*); здесь же находим Бежецк — *Bejetsk*, где *j* передает [з]; на стр. 347 находим Нижний Новгород — *Nijni-Novgorod*; на стр. 349 Абхазия — *Abkhasie* [abkazi] и т. д.